

Б У Д Е М ЗНАКОМЫ— АЛЕХИН...

Видимо, мой ход поразил его своей замысловатостью. Наверное, он никогда не встречал такого странного начала...

— Теперь-то я понимаю, — с улыбкой заметил композитор, — что этот необычный ход по-

КАК-ТО раз я увидел на столе в кабинете Дмитрия Дмитриевича Шостаковича несколько аккуратно подобранных газетных вырезок с шахматными задачами. Заметив мой взгляд, он сказал:

— Давнее увлечение. Лет с десяти...

— Мне говорили, что вы играли с композитором Сергеем Прокофьевым, скрипачом Давидом Ойстрахом. А они ведь большие мастера шахматного искусства.

— Играл, — загадочно улынувшись, сказал Дмитрий Дмитриевич. — И не только с ними... — И после паузы добавил:

— Однажды мне посчастливилось сыграть даже с великим шахматистом...

Я выжидающе молчал. Поймав мой скептический взгляд, Дмитрий Дмитриевич начал свой рассказ.

— Живя в Ленинграде в двадцатые годы, я не пропускал ни одной премьеры советского и иностранного фильма. Очень любил кино. А впоследствии, вы, вероятно, слышали, в те времена немного кино, года два даже работал аккомпаниатором, «озвучивая», иллюстрируя немые фильмы...

— И вот как-то днем, — продолжал композитор, — я пришел в кинотеатр. Сеанс начался, в фойе томились несколько зрителей. Лениво, не спеша, чтобы убить время, они перелистывали страницы журналов, лежавших на столике.

Но вот в фойе появился еще один, скучный на вид, скромно одетый мужчина. Подошел к витрине с фотографиями, скользнул взглядом по шахматным фигурам, в беспорядке расставленным на доске. Видно, кто-то не успел закончить партию, спешил в зал на киносеанс. На минутку незнакомец остановился у доски и стал рассматривать незаконченную партию. Стоит, изучает позицию.

Я подошел к нему и предложил:

— Давайте сыграем.

Мужчина оглядел меня с головы до ног, мягко улыбнулся и кивнул головой. Взяв с доски белую и черную пешки, разыграли начало. Жребий пал на него. Он сделал первый ход.

После моего четвертого-пятого хода партнер как-то странно посмотрел на меня и задумался.

служил ему отправной точкой для каких-то оригинальных идей, натолкнул его на какие-то мысли.

Поразмыслив, мой соперник ответил. Ход не показался мне сильным, и я без колебаний бросился в атаку. Но, увы, мое наступление было весьма кратковременным. Скоропалительная атака белого ферзя с легкостью была отбита партнером, и не успел я опомниться, как вокруг моего короля сгустились грозные тучи...

Теперь настал мой черед задуматься, и, пока я пытался и краснел, стараясь найти выход из трудного положения, все время чувствовал на себе внимательный взгляд серых, несколько иронических глаз незнакомца.

— Сами понимаете, — пояснил Шостакович, — выпутаться из сложного положения мне не удалось. Мой партнер разгромил меня с необычайной легкостью. Так я еще никогда не проигрывал.

До начала очередного сеанса оставалось несколько минут. Видимо, в моей игре незнакомца что-то привлекло, и он почувствовал в ней проблески какого-то дарования. Вероятно, его поразила необычная композиция фигур. Он заметил мое искреннее огорчение.

— Ты давно играешь в шахматы?

— Три года...

— А меня знаешь?

— Нет, — растерянно ответил я.

— Алехин...

Тут раздался звонок, приглашающий на киносеанс.

— Будем знакомы, Алехин Александр Александрович...

И он пошел в зал. В удрученном состоянии я проскользнул в другие двери.

— Какой фильм вы смотрели в тот злополучный день?

— Уже не помню, что показывали... Но смотрел не на экран, а во все глаза сбоку, на Алехина. С тех пор я стал страстным болельщиком своего случайного партнера. И когда через несколько лет — в 1927 году в далекой Аргентине он выиграл матч у чемпиона мира Капабланки, я был просто счастлив и, вероятно, радовался не меньше, чем он сам. Ведь я был одним из его спарринг-партнеров...

Мих. ДОЛГОПОЛОВ.